

Мифология русской мечты

«Круглый стол» Изборского клуба

Окончание. Начало — на стр.1

Дмитрий ЕГОРЧЕНКОВ.

Вот Супермен — казалось бы, человек, но это, согласно мифологии DS-комиксов, всеслепный бог, прилетевший на землю, ставший человеком, живущий на земле среди людей, помогающий людям во всем, с чем он может справиться (а справиться он может почти со всем), он умирает и воскресает — понятны коннотации. Супермен — тоже очень внятная мифологическая схема. Бэтмен — человек, который стремится обличить себя божественностью, стремится приблизиться к божеству, и в какой-то момент даже замещает его в рамках Вселенной. Тут можно продолжать до бесконечности. Всё, что было раньше, повторяется — но уже на другом уровне, с применением законов рынка, законов бизнеса. Сегодня вся экономика в значительной степени мифологична. Ещё в 2001 году вышла в свет книга "О мифологическом архитектурном маркетинге" — о том, как бизнесу больше зарабатывать, если опираться на архетипы, на подсознательное стремление человека найти себе героев, реализовать потребность в стабильности, потребности в обладании чем бы то ни было. Вот цитата: "Значение продукта не может быть продано, не воздействуя на коллективное сознание эпохи". Любая современная марка (неважно, одежды, автомобиля или мобильного телефона) создаёт себе собственный миф. Бизнес сегодня — может быть, даже раньше, чем политический класс, — понял важность мифологического сознания в современном мире и воюю активизирует его, в том числе — через рекламу, через рекламные образы.

Перед тем как начать разговор о политической мифологии, я приведу маленькую цитату из Жака Дерриды: "Весь мир разрывается на между национализмом и его противоположностью, а между разными типами национализма". Это 1993 год. Я бы эту фразу немножко подправил: мир сегодня разрывается между разными мифами, между разными мифологическими системами. В этом смысле миф предельно диалектичен, потому что он, с одной стороны, отражает реально существующие мысли, желания, интенции, подсознательные стимулы и импульсы, которые есть в мировом коллективном бессознательном, а с другой стороны, — он работает и в качестве политтехнологической схемы. Хороший политтехнолог пытается угадать то, что есть в базисе и сделать из этого нужную ему политическую конструкцию.

Политический миф как форма общественного сознания — это способ восприятия, описания и объяснения политических событий при акценте на их символическую основу. При этом все те политические мифы, которые используются сегодня, так или иначе, восходят к более старым, к более архаичным мифологическим типам.

В этом отношении весьма показателен миф о Золотом веке. Он предельно диалектичен, потому что Золотой век находится одновременно и в прошлом, и в будущем. А если смотреть только в прошлое мифа, то мы окажемся в бессмысленной ситуации, объясняя смысл своего существования исключительно величием своих каких-то отдалённых или вообще несуществующих предков. Меня всегда удивляет и даже злит немыслим, когда люди пытаются заглянуть на 10 тысяч лет назад, не понимая, что смысл немого в другом. Тот же миф о Золотом веке, обращённый только в будущее, — это миф о таком информационно-когнитивном обществе, которое вот-вот наступит, когда человек объединится с машиной, когда все "чёрные" предсказания антиутопии, которыми полна литература постмодерна и литература киберпанка, реализуются. Обе эти модели мифа о Золотом веке мне кажутся бессмысленными, даже вредными. Когда мы размышляем о политическом мифе, мы должны понимать, что основание его всё же лежит в настоящем. Настоящий Золотой век может быть произведен (это мое личное субъективное мнение) только из объективной реальности сегодняшнего дня, обращённой, как римский бог Янус, и в прошлое, и в будущее. Мы должны понимать, какие у нас есть возможности, но мы должны использовать миф о Золотом веке, как вектор того движения, к которому мы стремимся. Строго говоря, этим сегодня занимаются все мировые "центры силы" на международной арене. О пресловутой "американской мечте" много рассказывать не надо, о ней все знают. Единственное, что я бы отметил, — она не имеет ничего общего с классической мифологией о маленьком домике и о прекрасной семье, которая на лужайке возле него резвится. Миф об "американской мечте" — это стартер. Корабль, который летит в отдалённом космосе, на фронте, и который при этом странным образом называется ЮСС Интерпрайс. Это мечта о будущем, в котором Америка — единственная реальность на планете Земля. Вот такой американский миф на самом деле существует.

Есть другой миф — миф китайский. Он предельно понятен — это, с одной стороны, определённая ревизия всего, что было с Китаем в прошлом, а с другой стороны — чёткий вектор в будущее, в пространство "общей судьбы" не только для Китая, но и для всего остального человечества. Обратите внимание, что все мифы, о которых я говорю: американский, китайский, и даже "чёрный" итиловский (ИГИЛ — террористическая организация, запрещённая в России. — ред.) миф, — все они не узконациональны. Они все — глобалистские. Они всегда говорят о том, к чему должно идти всё человечество, а не только какая-то одна страна, один народ. Например, китайцы не сомневаются, что "китайская мечта" существует. Более того, для 70% молодёжи достижение "китайской мечты" является очень важной целью. Больше всего таких людей в возрастной группе от 30 до 39 лет. Точно так же 71% американцев считает, что для воплощения "американской мечты" важна текущая политическая ситуация и политический климат. С Русской мечтой всё печальней. По социологические данные, которые получены нашим институтом по структуре жизненных ценностей российской молодёжи, — опрашивались студенты 1-5 курсов вузов по всей стране. Служение Родине и совершенствование общества — 3.8%.

Личная свобода и независимость — 26%. Жить в свое удовольствие — 23% Духовная жизнь и вера в Бога, образование и познание — около 10%.

То есть среди тех людей, которые через десять лет будут определять ситуацию в нашей стране, в том числе — политическую, вообще ничего не знают про Русскую мечту, их устремления направлены в основном на личные цели. А общей идеи, общей цели и общей мечты у нашей молодёжи пока нет.

Но основной вопрос, который мне задают ребята на встречах: "Скажите, ради чего всё это? Зачем? Вы объясните нам. Мы готовы. Дайте СМЫСЛ!" Так что, коллеги, я считаю одной из самых важных задач Изборского клуба начать постепенно внедрять в российское общественное сознание и в общественное бессознательное позитивный образ нашего будущего, образ Русской мечты. И это не должно быть исключительно русское в этическом смысле понимание — это мечта для всего мира, которую Россия может предложить. Кстати, тот же вопрос поднимают и за границей, когда встречаетесь с ребятами из Латинской Америки, Африки, арабских стран: "Русские, объясните, чего вы хотите. Чего хотят американцы и китайцы, мы поняли. А как нам с вами развивать сотрудничество и ве-

на существование? Потому что бизнес хочет конвертировать наше сознание и подсознание в собственность и власть, а мифология — это совсем другая субстанция. И здесь я бы вспомнил слова отца Иоанна Крестянкина, который ещё в год тысячелетия крещения Руси пророчествовал: несмотря на то, что мы оказались в таком тяжелом положении, у русского народа — великая будущность. Мы вступаем, по его словам, в седьмую фазу истории Святой Руси, которую он сравнивал с таинством миропоклонения. То есть он всю историю разбил на семь частей: Крещение, Миропомазание, Причащение и т.д. И вот он говорил, что мы находимся на пороге вступления в седьмую стадию, когда народ станет народом-священником. И здесь есть противоречие между этим и цифрами, которые мы видели, когда 80% думает только о личной жизни и личной реализации, и миссия "народ-священник". Потому что народ-священник" — не тот народ, который на 3% состоит из пророков, героев и святых, а который культивирует в себе это начало. По его словам, если прав отец Иоанн Крестянкин, то вся социология мифа является чем-то привходящим и сиюминутным. Если же он ошибся, то мы глобально катимся вместе со всем прогрессивным и либеральным человечеством по этой вот линии "свободной конвертации святых". Мне кажется, здесь главная

мечта, а мечта порождает народ. И, пока существует мечта, — есть народ. Исчезает мечта — народ пропадает. Множество народов исчезло. Это те народы, от которых излетела их мечта, потому что ей (мечте) было в этих народах неуютно, она искала гнездо в других образованиях, в других народах. Мечта — то, что движет народ по всей исторической линии его существования. Мечта помогает народу не исчезнуть во время катастроф, во время нашествий, пленений, непосильных нагрузок, во время великих заблуждений и ересей. Мечта — это то, что ведет народ по пути исторического творчества. Мечта таинственна тем, что она, только появившись, уже знала о себе, как о чем-то конечном. Мечта, с одной стороны, — это вождение о будущем, а с другой стороны — она знает, во что вернется. Она влечёт к себе народ, и народ находится под воздействием двух сил, которые составляют мечту: той изначальной, которая толкает народ в историческое творчество, и той силы, которая втягивает, васысает в себя народ — это магнетизм грядущего. Мечта нуждается в том, чтобы её определили, но определили так, чтобы она осталась неопределимой. Этим мечта очень отличается от цели, которую можно поставить и к которой можно приблизиться. Мечта же постоянно удаляется за горизонт, — и в этом её магическая сила.

Я — угрюмый и упрямый зодчий Храма, встающего во мле, Я возревновал о славе Отчий, Как на небесах, а на земле. Сердце будет пламенем палимо Вплоть до дня, когда взойдут, ясны, Стены Нового Иерусалима На полях мовой родной страны. И тогда повеет ветер странный — И прольётся с неба страшный свет, Это Млечный Путь расцвёт нежданно Садам ослепительных планет.

Над Русью расцвел космический райский сад. Райские сады — близко, до них можно дотянуться через стих. Это была поразительная русская мечта, изложенная перед расстрелом, перед началом большевистской революции. А что большевик? Большевики только и думали о Царстве Небесном. О том, что его не нужно откладывать на потом. Зачем ждать? Его нужно получить здесь. У них был чертёж этого Царства Небесного, они знали его размеры, что оно начинается на Северном полюсе и заканчивается на Южном, а на Западе на Гринвиче, и заканчивается там же. Они это знали и строили его. Правда они строили его в период страшной войны, поэтому топилились его построить, и страшно хрустели кости. Царство большевиков было царством справедливости, построенном на дыбе, где Россия провисела весь XX век. Но в результате всех этих пыток, расстрелов была достигнута победа. Мистическая победа Рая над адом. Фашистские демоны пришли в Россию, чтобы захватить Царство Небесное, откуда они были изгнаны, и русские, советские красноармейцы в это время стали ангелами. Это были битвы ангелов красновзвёздных с демонами, в них погибло 30

сти диалог, если вы не можете объяснить, чего вы хотите?" Так что задача выработки Русской мечты — это задача важнейшая на ближайшую политическую перспективу.

Александр НАГОРНЫЙ, заместитель председателя Изборского клуба.

Обычно принято хвалить докладчика, но, на мой взгляд, у высказанной им концепции есть один важный недостаток, который бросается в глаза, — это отсутствие связи современных мифов, которые долго навязывались нашему обществу и извне, и изнутри. Когда население СССР уже лишённое советской "красной" мифологии, приняло мифологию "перестройки" и не среагировало на 1991 год, мы отказались от самих себя. И сейчас стоит задача создать такую мифологию, которая была бы наиболее эффективна для воссоздания и дальнейшего существования "Большой России". Для этого нужно взять всё необходимое из нашего прошлого: как советского, так и дореволюционного. Сделать это очень трудно. Но без этого ничего не получится.

Современная "властная вертикаль" этого, в силу своего генезиса, в лучшем случае, просто не понимает, а в худшем — активно препятствует. Если у Путина иногда присутствуют "всплески" в этом направлении, то они просто гасятся "околокремлёвским болотом" и не доходят до общества. Например, наше телевидение воспитывает российских зрителей, и детей, и молодёжь, и среднее поколение, — в духе западных ценностей, стремления к "личному успеху" за счёт своих ближних, развития хищническо-потребительского инстинкта. В результате нас уже мало, и становится всё меньше, падает уровень знаний, умений, здоровья — и глобальная роль России скукоживается, поскольку мы становимся колонией "западного мира" и по структуре, и по содержанию. Кому-то это, возможно, по душе, но мы же видим, что на этом пути никакого приемлемого будущего у нас нет, что и в США, и в других странах Запада все начинает распадаться, они хотят перейти через кризисную полосу за счёт пожирания всех, что слабее, чем они. И внашито остальному человечеству, что это — нормально, что так и надо, по-другому не бывает. Если вы посмотрите фильмы, которые сделаны в Голливуде за последние годы, то увидите, что необходимость уничтожения человечества в его нынешнем виде там присутствует как данность. Согласно ли с этим Россия? А если не согласна, то почему не начинать создание своей идеологии, основанной на традиционных ценностях? Вот об этом надо писать, говорить, анализировать и выдвигать на первый план.

Валерий КОРОВИН, директор Центра геополитических экспертиз.

Миф, в первую очередь, создает некий сакральный архетип общества, т. е. он отсылает человека к первоначалу, лежащему в основе мира, и дальше из этого мифа каждый человек выбирает своё. В зависимости от того, что человек выбрал из мифологии общества, в котором миф разворачивается, определяется тип человека. Если мифология воспринимает человека-жреца, человек-героя, то он делает из этого свой героический вывод, начинает реализовывать этот миф в политической реальности, т. е. реализовывать его в окружающей действительности. Это как раз мифология сознания. Это активное восприятие мифа. Но жрец и герой — слишком редкие типы человека. Совсем иначе воспринимают мифологию люди большинства, которые относятся, скажем так, к более низким энергетическим уровням. Они воспринимают миф на уровне подсознания: через некие символы, или тени мифа, — в том виде, в котором массы способны воспринять этот миф. И тот социологический опрос, результаты которого были здесь представлены докладчиком, совершенно чётко демонстрирует соотношение между элитами и массами любого общества.

Служение Родине и совершенствование обустройства окружающей действительности, которые называли высшей ценностью 3.8% опрошенных, — вот это элитный тип, представители которого Лев Гумилев называл "пассионариями". А 83%, выбирающих семью, и профессиональное развитие (44%) — это массы, которые живут текущим днём и бытовыми проблемами. Это их функция, они не могут иначе. Вот они как раз воспринимают миф подсознательно, "осчитывают" его через образы. Из эти образы сегодня приватизировал Голливуд, вся западная "массовая культура", которая эти образы берёт из глубинных архетипов общества. Есть миф эволюционно-прогрессивистский, родом из Европы XVII века, которая открывала, захватывала и использовала для себя весь мир. Называя это, в качестве оправдания своих действий, формой исторического прогресса человечества и свойственной всему живому "борьбы за жизнь". И услышавший нами доклад является частью именно этого мифа, который вынес за скобки Бога, который установил время вместо вечности основой всего, а линейное развитие вместо гармонии — высшей ценностью.

Русская мечта не может быть филиалом западной мифологии, она всё-таки должна разделять материально-технический прогресс, как некую прикладную основу, и недвижимое существование вечности сакральной мифологии базовых архетипических неизменных вещей (религии, Бога, традиции), как такую недвижимую основу, вокруг которой и мельтешит научно-технический прогресс нынешнего современного мира.

Виталий АВЕРЬЯНОВ, доктор философских наук, заместитель председателя Изборского клуба.

Нас всё время хотят убедить, что мифы — это некая субстанция для массового человека, для того "пипла", который "хавает". Здесь глубинная точка, на которой всё это колесо начинает проворачиваться в обратную сторону. Мы всё время судаем, как "работать с массами" в экономике, политике, идеологии. А сама постановка вопроса, что "работа с массами" на какой-то определённый результат является краеугольным камнем в мифологии, — она вообще справедлива? Имеет ли она право на свой нынешний статус и вообще право

проблема мифологии сегодня. Потому что по сути своей миф — это, скорее, некая волевая конструкция, и именно она определяет, в конце концов, форму, содержание, структуру и даже механизмы трансляции мифа. Мне кажется, в докладе эти моменты не раскрыты в должной мере.

Михаил КИЛЬДЯШОВ, председатель Оренбургского отделения Изборского клуба.

Алексей Фёдорович Лосев когда-то предложил определение мифа от противного. Помните: миф — это не то и не это... не сказка, не "коллективное бессознательное", не учение и так далее. А миф — то, что остаётся "в сухом остатке" после удаления всего остального. Сегодня, с момента выхода в свет "Мифологии" Ролана Барта, миф стремятся свести к рекламе, к культуре повседневности, в лучшем случае — к экономике и политике. Но ведь мы знаем, из чего и благодаря чему возникла мифология. Она возникла из поэзии и благодаря поэзии — тем же гомеровским "Илиаде" и Одиссее", например. Поэтому, если мы говорим о русской мифологии, то обязательно должны найти её поэтическую составляющую, которой не может не быть. И проблема современной мифологии состоит в том, что современные поэты перестали быть мифотворцами. Они живут не "вертикально", а "горизонтально", говорят только друг с другом, а не с миром, разноможаются почкованием и даже не знают, что было до них, всего лишь лет 30-40 назад. У меня сейчас есть такая творческая задача: так или иначе, вернуть в сознание читателя знание о наших, советских поэтах второй половины XX века. Есть мифология Юрия Кузнецова, есть мифология Николая Тряпкина, есть мифология Николая Рубцова, и они во многом пересекаются друг с другом.

Поэзия, как ничто другое, убеждает нас в том, что водораздел между мифологией и реальностью проходит не по принципу "существующее/несуществующее". Водораздел находится там, где мифология становится убедительной реальности, начинает не только предсказывать её, но и управлять ею.

Олег РОЗАНОВ.

Уважаемый докладчик затронул сегодня очень важную для всего Изборского клуба тему — тему позитивной мифологии в современном обществе. Из-за своей глубины и многогранности она столь же сложна для осмысления, и Дмитрий Александрович лишь в первом приближении представил нам наброски своей диалектики мифа.

Во многих смыслах тему мифа можно считать даже ключевой для группы единомышленников, которая причастна изборским смыслам и идеям. Миф для нас — это не только сказка, мифологический рассказ древней Греции или создаваемый современными маркетологами продукт. Миф — это способ постижения мира, который со временем нигде не исчез, но только усложнился. Массы по-прежнему приводятся в движение грандиозными национальными мифами: верой в общих героев, общих предков, историческую миссию и единую судьбу.

Поэзия, газетные публикации, высказывания политиков и экспертов, рок-музыка и кинематограф, реклама и предвыборная агитация апеллируют исключительно к мифологическим пластам сознания. Даже в такой, казалось бы, оторванной от мифа сфере, как современная наука, в базовых научных предпосылках лежат сугубо мифические представления, основанные только на вере. Прежде всего, это относится к гуманитарным наукам: истории, политологии, психологии, философии. Миф о прогрессе, верности политическому курсу и пути развития не доказываются математически, логически. Ровно об этом писал наш классик Фёдор Тютчев:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить!

Не только наше, но и любое общество основано и поддерживается усилиями мифотворцев, талантливых сказателей и пророков. Без общей веры, мифологических представлений о коллективном прошлом и будущем любое общество атомизируется и распадается. Лучшее всего это понимают отнюдь не архаичные народы Африки и Востока, а самые передовые страны современности — США и Китай. У каждой из них есть своя мечта, которую нельзя взвесить на научных весах, придумать ей финансовый эквивалент или общую с другими мечтами меру.

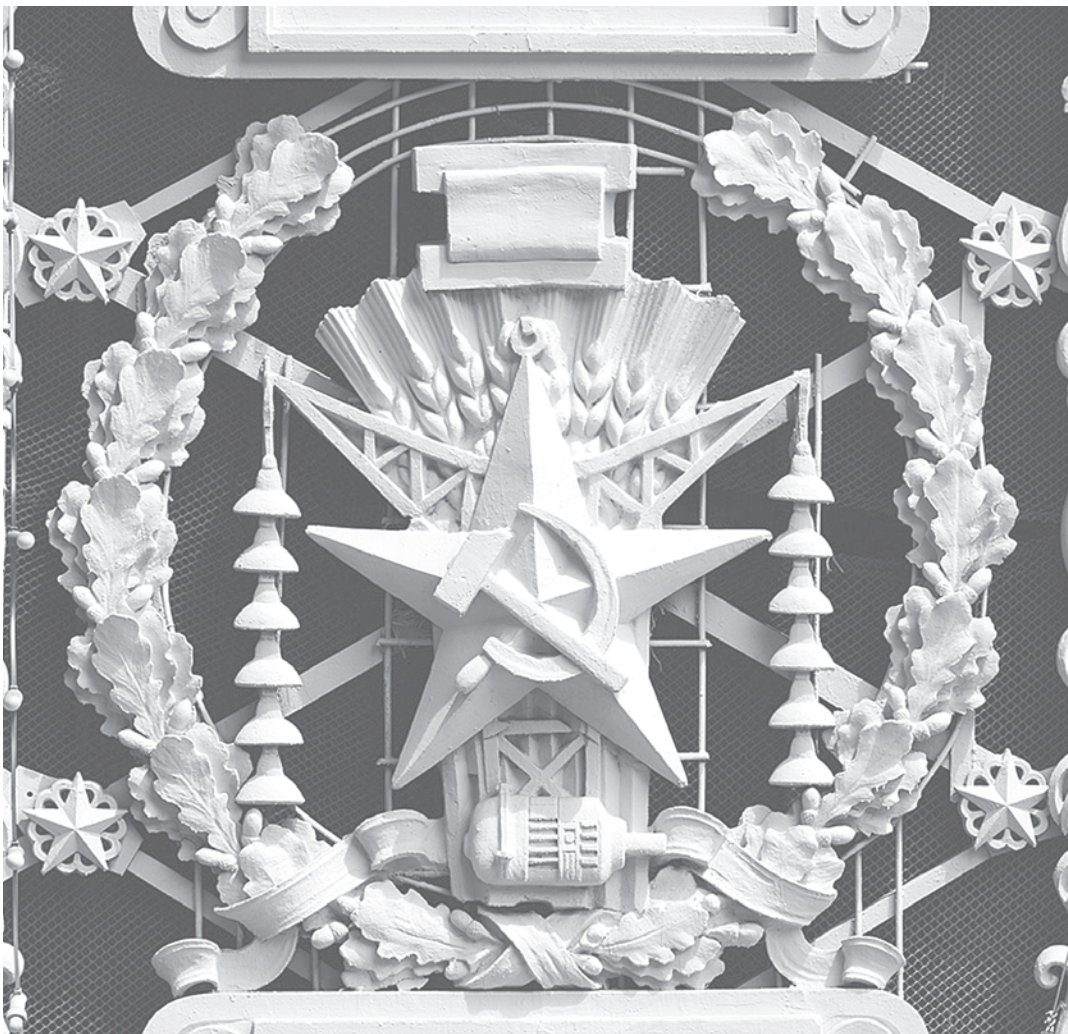
На эту мечту, в конечном счёте, тратятся деньги. Для её защиты создаётся армия, её обслуживает система образования, искусства и культуры в целом. Для неё создаются огромные фабрики производства мифов: Голливуд, средства массовой информации, учебные программы и так далее. Миф в XXI веке становится смертоносным и высокотехнологическим информационным оружием, которым можно уничтожить или создавать целые государства.

Безусловно, в современном мире поддержание живучести своего мифа стало информационно-й и политической технологией. Общая мечта уже не передаётся в устной форме детям от их родителей, но возвращается через мультфильмы, кинематограф и даже компьютерные игры. В том, что героями для наших детей стали Человек-паук и Бэтмен, а не русские богатыри и герои, виноваты только мы — и никто другой. Значит, мы недостаточно или некачественно занимаемся национальным мифотворчеством — поддержанием мифов о наших героях.

В Изборском клубе как нигде больше близки к русскому мифу и Русской мечте, которой верно служим все мы, и о которой всегда так вдохновенно говорит Александр Андреевич Проханов.

Александр ПРОХАНОВ, писатель, председатель Изборского клуба.

Дмитрий Александрович, я восхищён вашим блестящим докладом, всё замечательно. Вы скажу и своё суждение о Русской мечте. Мечта была изначальна. Она, эта незримая таинственная субстанция, стала собирать вокруг себя людей — и получился народ. Народ — это вместилище мечты. Причем не народ порождает

Сталинская архитектура изобилует образами индоевропейской мифологии (фото Михаила РОЗАНОВА из серии «Ясность цели»).

Как определить русскую мечту? Американская мечта здесь была определена прекраснейше. Америка — это град на холме (или космический корабль, как сегодня говорили), крепость, которая созерцает ведение народов, живущих окрест и внизу. А если чья-то жизнь не устраивает население крепости, то они вносят нужные им поправки, в частности — с помощью крылатых ракет.

Китайская мечта действительно внесена в документы КПК не как сказка, а как политическая доктрина. Она связана с восстановлением китайского достоинства, которое попиралось на протяжении двух столетий Западом, японцами — в том числе. Это мечта о самоуверженности, о том, чтобы занять то место в мире, которое они считают справедливым для себя.

Русскую мечту трудно определить словами, но её можно почувствовать. На протяжении всей русской истории эта мечта находила свое проявление в лучших представителях русского сознания.

Первый период связан с волшебными русскими сказками. О чём русские сказки? Они — о живой и мёртвой воде: это воскрешение из мёртвых. Они — о молодильных яблоках: это преодоление ветхости, старости для жизни вечной. Русские сказки — про оборотней, когда Иван-Царевич превращается в серого волка и наоборот: это о единстве жизни, о её трансформации, когда ты можешь "кинуться через левое плечо" — и превратиться не только в волка, а в цветок или в бабочку.

Русская мечта — она о справедливом обществе, когда простой человек, мужик (Иван-дурак) за ночь строит потрясающие замки, храмы, ему достается потрясающая Жар-птица, т. е. счастье у дурака. А вот люди, явно превосходящие дурака в знаниях, в силе, — тем не менее, остаются за бортом истории. Так думали наши древние пращурсы, и ничего другого мы из нашей древности не достаём.

Второй период — это православный. Огромный период. В этом православном периоде у нас есть два гения, два гиганта.

Первый гигант — старец Филофей, который сформулировал идею "Третьего Рима". Он писал сначала Василию III, а потом — Ивану III: "Твоя задача, князь, не стяжать казну, не усилить армию и не расширять пределы, а беречь православие, беречь учение о Царствии Небесном, учение о том, что людская жизнь может превратиться в жизнь идеальную, где нет насилия, нет угнетения, где царит гармония, и, главное, — нет смерти". Вот это — самое важное отличие русского царства-государства от всех других государств. Но величие старца Филофея — в другом ведь он забрал у Запада Рим, который был для него синонимом державного православия, и поставил его в Москву. Это русская мечта, которая была реализована таким удивительным способом старцем Филофеем.

Другой гигант этого русского мистического сознания — патриарх Никон. Если Филофей забрал у Запада Рим, то Никон — Иерусалим. Он просто взял и перенёс его сюда, под Москву. Иерусалим строился Никонус, как площадь, куда должен явиться Иисус Христос во время Второго пришествия. Русская мечта была о том, что Иисусу хорошо будет здесь, на Руси. Россия через это мышление Никона становится преподий Царства Небесного. Там, где кончается Россия, начинается Царство Небесное. Так думали об этом наши великие православные мужи, так думала об этом русская словесность. Например, Пушкин мечтал о мощном государстве, где будет царить божественная благодать, божественная справедливость, будет сиять "звезда пленительного счастья". Лев Толстой боролся со злом, он не хотел царства зла, он хотел царства любви, где все равны. Что делал Достоевский? Он всю жизнь боролся с демонами. Он боролся с ними не только в своих книгах, но и закрывал дыру в ад собой, как Александр Матросов — пулемётный амбразуру. Вообще, вся русская словесность — это псалом, её посредством Россия, устами своих поэтов, обращается к Небесам. Николай Гумилев написал стихотворение "Память":

миллионов наших соотечественников, но как иначе рай добывается? Такие победы достигаются только громадными потерями. В результате Победы 1945 года появились врата в Рай — и это русские врата.

Когда закончился большевизм, его мечта, обнародованная в начале века, как бы закрылась в результате событий 1991 года. Сегодняшняя, пятая империя, находится под дыханием, под воздействием всей череды высказываний, связанных с русской мечтой. И мы сегодня тоже живём в пору реализации русской мечты. Если все наши неудачи, скверну, а также все наши победы и свершения истолковывать как фазу, через которую проходит русская мечта, то сегодняшний абсурд становится логичным, объяснимым.

Русская мечта, как сказал Пушкин, — это сильное, могучее, цветущее государство. Оно достигается с помощью крылатых ракет, авианосцев, а также прочных институтов, но это государство должно оформлять собой справедливое, блаженное идеальное общество, имя которому — Царствие Небесное. И эта мечта остается таковой всегда. И все сегодняшние процессы, повторю, следует объяснять и интерпретировать с этой точки зрения.

Вот я был в Калуге. Это город Чичевского и Циолковского. Мы все знаем, что Циолковский был учеником русского космиста Фёдорова, который занимался такими проблемами, как воскрешение мёртвых, преодоление смерти (таким образом, весь наш русский космос — это задача преодоления смерти, энтропии, хаоса). А как Фёдоров хотел достичь этого? С помощью соединения сверхсовременных научных знаний и духовного преображения. Соединение этих двух начал, по его учению, должно породить такую человеческую силу, что зашевелился могилы, поднимутся кости и облекутся плотью. Что такое Калуга? С одной стороны, это могучий центр познания, построенный в советское время. А с другой стороны, — это Оптина Пустынь, поразительное место, где дышит святость. Калужскую область можно считать воплощением русской мечты, как и Брянскую область, где родился иннок Пересвет. Миф о Пересвете, который без доспехов пошёл на Челубея, пожертвовав своей жизнью, воспроизводится во всей русской истории. Кто такой Александр Матросов? Это Пересвет 1943 года. И таких примеров много, наши русские сказки, русские мифы нигде не делись — они живут и будут жить дальше.

И если американская мечта — это град на холме, то русская мечта — это храм на холме. Наш холм насыпан всей русской историей: все наши ГУЛАГИ, монастыри, все наши погребения на фронте отцы, все наши моления у алтарей, — это всё холм нашей истории. На нём мы хотим поставить храм, чтобы через него сиял свет фаворский свет на наши семьи, гарнизоны, школы и т. д.

Этим мы отличаемся от американской мечты. Две эти мечты несовместимы. Отсюда — извечное онтологическое противоречие. Храм на холме и Град на холме не могут сосуществовать. Там — идея господства, а здесь — идея абсолютной гармонии и братства, они всегда и везде воюют между собой.

Я не знаю, кто победит, потому что, если речь идет о мечте, то финал этой войны отодвигается в бесконечность, но сама война — данность, в которой будет развиваться история, культура, будут создаваться элиты, лидеры. Несмотря на войны, в человечестве увеличивается человечность, во всех народах эта мечта возвращается на свой лад, и, в конце концов, когда человечность достигнет нужного уровня, все народы сольются и встретятся в Царстве Небесном.

Мне кажется, изучение русской мечты, которое берёт на себя Изборский клуб, — очень актуально, оно необходимо нашему народу, нашему обществу, нашей власти на всех её уровнях. Исходя из моего опыта общения, губернаторы очень заинтересованы в этом, заинтересованы в появлении идей, идеологии для своих регионов. Поэтому возможно создание Академии Русской Мечты, как части нашего Изборского проекта, где она пройдёт все тончайшие разработки и исчисления. Поэтому я ещё раз поздравляю нашего докладчика с прекрасным выступлением, которое вызвало столь бурную и содержательную дискуссию.